

СМЕРШ —
спецназ Сталина

Евгений
Сухов

АГЕНТ НЕМЕЦКОЙ РАЗВЕДКИ

СМЕРШ – спецназ Сталина

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

Агент немецкой разведки

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Сухов Е. Е.

Агент немецкой разведки / Е. Е. Сухов — «Эксмо»,
2017 — (СМЕРШ – спецназ Сталина)

ISBN 978-5-699-97930-1

1943 год. Младший лейтенант Егор Ивашов назначен опер-уполномоченным контрразведки СМЕРШ в одну из частей Воронежского фронта. Накануне масштабного наступления советских войск необходимо выявить и обезвредить действующую в нашем тылу немецкую шпионскую сеть. Но для начала Ивашов берется выяснить обстоятельства странной гибели своего предшественника. Считается, что тот погиб по неосторожности, но Егор уверен: это дело рук агентов Абвера. Только вот кто они?.. Молодой оперативник начинает поиск врага, не замечая, как с каждым шагом расследование приближается к неожиданной и страшной развязке.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-97930-1

© Сухов Е. Е., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	24
Глава 5	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Евгений Сухов

Агент немецкой разведки

© Сухов Е., 2017

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2017

Глава 1

В добрый путь!

– Сержант, до поселка Кияница не едешь, случаем?

Усатый водитель полуторки с затертыми сержантскими погонами и в выцветшей едва не до белизны гимнастерке глянул на спросившего. Простоватого вида парень лет двадцати одного – двадцати двух, крепенький, голубоглазый и задиристо-курносый, вопросительно смотрел прямо в глаза сержанту. Новенькие погоны младшего лейтенанта, отглаженная чистенькая форма и тощий вещмешок, болтавшийся за плечами, выдавали в нем недавнего курсанта. И если бы не медаль «За отвагу» с полуистертой муаровой лентой, младшего лейтенанта вполне можно было бы принять за простоватого, не нюхавшего пороха новобранца, впервые попавшего в прифронтовую полосу.

– Ну, еду, – ответил сержант.

– Меня прихватишь?

– Это как майор скажет...

– А где он?

– Да вон идет, – повел сержант подбородком в сторону двухэтажного здания без крыши, на первом этаже которого расположился эвакуогоспиталь.

Младший лейтенант повернул голову и увидел подходящего к полуторке коренастого крепкого майора.

– Младший лейтенант Ивашов! – как и положено, начал по форме курносый. – Разрешите обратиться?

– Обращайтесь, – разрешил майор, с интересом глянув на подошедшего.

– Вы ведь до Кияницы едете... Не возьмете меня?

– Садись! – кивнул майор. – Только дороженька туда – аховая, танками вся разворочена. Так что держись крепко!

– Спасибо, – улыбнулся младший лейтенант и одним рывком закинул натренированное легкое тело через неоткидные борта полуторки.

Зарычав, машина тронулась. Устроившись на дощатый пол кузова, поближе к кабине, и все равно подскакивая на кочках и выбоинах некогда асфальтовой дороги, младший лейтенант стал смотреть по сторонам...

Город Суджа понемногу остывал от боев (прошло уже четыре месяца, как его отбили в ходе харьковской наступательной операции силами Воронежского фронта), постепенно налаживалась гражданская жизнь. Проехали мимо восстановленной водоканалки, немного в стороне от которой работал кирпичный завод, а из-за развалин проглядывал пивной ларек. Далее дорога лежала через центр, основательно разрушенный. Отступая, не иначе как в бессильной ярости, в начале марта сорок третьего года, то есть почти четыре месяца назад, фрицы взорвали здания средней школы, райисполкома, Троицкий храм, маслозавод и несколько каменных жилых домов. Многие дома попросту сгорели, подожженные отступающими вместе с немцами полициями. Педучилище, больница с пастеровской станцией и санбаклабораторией, большая библиотека, где ранее размещался дом призрения, две аптеки, почтовое отделение, мельница, построенная еще лет двести назад, и несколько десятков жилых домов превратились в головешки и обугленные остовы, мало похожие на бывшие строения.

Проехали мимо сгоревшего склада-зерно-хранилища. Возле него сосредоточенно копшились люди с котелками и мятыми кастрюлями, разгребая головешки и пепел в надежде найти под обуглившимся верхним слоем горсть-другую уцелевшего зерна. На куске спасшейся

стены, торчащей как клык в беззубом старческом рту, висела покосившаяся и почерневшая табличка: «ул. К. Либкнехта».

А вот потянулся городской парк. Он, скорее, был похож на запущенную подожженную свалку с выросшими среди груд мусора деревьями. В нем, по всей видимости, еще долго не будет танцев под духовой оркестр, а в летнем кинотеатре, превратившемся в грудку головешек, еще не скоро начнут вновь крутить любимую публикой картину «Волга-Волга».

Зрелище, представшее взору младшего лейтенанта Ивашова, было весьма неприглядным и удручающим.

Наконец выехали из города. Проехали примыкающую к нему слободу, тоже изрядно разоренную, с несколькими уцелевшими среди пепелища зданиями. Дорога стала петлять, дважды пришлось объезжать по полю большие воронки от гаубичных снарядов, где полуторка часто буксовала, а пару раз вообще едва не застряла. И только километров через десять дорога выровнялась и убегала по прямой до самой Юнаковки. Транспорта навстречу попадалось мало: за всю дорогу проехал один «Виллис» да несколько полуторок и «трехтонок». Зато в направлении Кияницы одна за другой следовали крытые грузовики. Были среди них и наши «трехтонки», и мощные американские трехосные «Студебеккеры», на которые вместо положенных двух с половиной тонн грузили все три, а то и более, и «Доджи», на которые вместо трех четвертей тонны грузили полновесную тонну, плюс цепляли пушку или прицеп с боеприпасами весом тонны в полторы-две.

После Юнаковки дорога снова начала петлять, будто бы спьяну, до самого поселка Марьино. А потом пару километров – и Кияница. Село, которое больше походило на солдатский бивуак, нежели на бывшее волостное поселение.

На въезде в село стоял контрольно-пропускной пункт, запирающий дорогу полосатым столбом. К нему выстроилась очередь из нескольких десятков машин. Младший лейтенант Ивашов не стал дожидаться, когда их полуторка займет место у пропускного шлагбаума. Он спрыгнул на землю, размял ноги и спину после почти полуторачасового подсакивания на заднице с маятниковым качанием из стороны в сторону, поблагодарил майора и сержанта, что подбросили до места, и потопал пешочком, обходя крытые брезентом грузовики.

На КПП у него потребовали предъявить документы. Какой-то долговязый старший лейтенант из комендантской роты долго читал воинское предписание, и еще дольше – военный билет, щупая его пальцем, поглаживая и что-то высматривая. Верно, наличие тайных знаков, которые у документа, несомненно, имелись.

Наконец старлей с явным сожалением вернул документы младшему лейтенанту Ивашову:

– Проходите...

– А как пройти в штаб дивизии, не подскажете? – нахально спросил Егор Ивашов, вместо того чтобы поскорее распрощаться со старшим лейтенантом, пока он не привязался еще к чему-либо, например, к тому, чтобы предложить показать содержимое вещевого мешка. Обыскивать офицеров без достаточных на то оснований военная комендатура не имела права, а вот попросить добровольно развязать вещмешок – почему нет? Кто же посмеет отказать?

– Ступайте прямо, увидите двухэтажное здание с башенкой, это и будет бывший дворец Лещинских, а сейчас штаб дивизии, – с неохотой ответил старший лейтенант и отвернулся, показывая, что разговор закончен.

Башня дворца была видна, наверное, с любой точки села и служила хорошим ориентиром. Возможно, именно по этой причине и уцелела.

Ивашов, уступая дорогу «Студебеккерам» и трехтонным «ЗИСам» с фанерной кабиной, пошел дальше, держа направление на башенку. Скоро показался весь дворец, с большой натяжкой отвечающий этому слову. Вот в Москве дворцы, это да! Дворец князя Гагарина, например, или Слободской дворец, не говоря уж о Петровском путевом дворце. Впрочем, для села

двухэтажное каменное здание с семью окнами по фасаду иначе чем дворцом и назвать-то было нельзя...

Младший лейтенант Ивашов прошел к зданию по запущенной парковой аллее, уважительно обошел несколько «Виллисов» и черную «Эмку», поднялся по ступеням на центральное крыльцо с облупившимися колоннами и, козырнув неподвижно стоявшему часовому, вошел внутрь. Спросил дежурного офицера, как найти дивизионный отдел контрразведки.

– Второй этаж, вторая и третья двери направо. Да там написано...

Егор поблагодарил и стал подниматься на второй этаж по парадной лестнице, очень внушительной, с изысканно-изящными перилами из розового мрамора, чье спускающиеся и поднимающиеся по ней офицеры уже давно не замечали.

В отличие от первого этажа, где сохранились огромные залы, помещения на втором этаже были переоборудованы в небольшие комнатки. Верно, после того, как дворец отобрали у хозяев, здесь устроили школу, а теперь в бывших классных комнатах размещались различные службы 167-й стрелковой дивизии.

На юго-западной части Курской дуги, в частности на Сумском направлении участка Воронежского фронта, где стояла 167-я стрелковая дивизия, с марта месяца образовалась затянувшаяся оперативная пауза. Обе стороны сосредоточенно набирали силы: немцы со своими союзниками доукомплектовывали полки, принимая пополнение, скрытно перегруппировывались, укрепляли линию обороны, советская сторона принимала полки, прибывшие с Урала и Сибири, инженерные подразделения в спешном порядке строили и тянули коммуникации, подтягивали тылы. По активности на линии разграничения было видно, что наступившим летом начнется сражение, которое может коренным образом повлиять на весь дальнейший ход войны. И Егор Ивашов был очень доволен назначением в эту дивизию именно сейчас, когда на фронте стояло затишье: будет время разобраться, что к чему, и войти в колею...

*«Начальник ОКР „СМЕРШ“
майор Стрельцов Г.Ф.»*

Эта табличка висела на третьей двери справа. Ивашов постучал и, дождавшись разрешения, открыл дверь:

– Разрешите войти?

– Входите, – последовало разрешение.

– Товарищ майор, младший лейтенант Ивашов прибыл для дальнейшего прохождения службы.

– Садитесь, товарищ младший лейтенант. Как ваше имя-отчество?

– Егор Фомич. Вот мои документы.

Начальник дивизионного отдела контрразведки «СМЕРШ» майор Стрельцов принял из рук младшего лейтенанта удостоверение личности, военный билет, временное удостоверение о награждении медалью «За отвагу» (не в Кремле вручали, а на передовой) и несколько сложенных вчетверо листочков с просвечивающимися печатями. Он внимательно осмотрел все документы, выбрал из небольшой стопки папок на столе темно-зеленую с наклеенной на ней осьмушкой бумаги с именем и фамилией Ивашова, развязал тесемки и раскрыл. Егору, механически следившему за действиями майора, бросилась в глаза его собственная фотография, сделанная еще в бытность его рядовым погранзаставы под Перемышлем, где он в хлопчатобумажной гимнастерке с полевыми петлицами и едва отросшими после стрижки под машинку волосами.

– Я тоже Фомич, – медленно произнес майор Стрельцов, слегка улыбнувшись и один за другим перекладывая листочки в папку. – Только зовут Георгием, – добавил он. – Значит, вы окончили курсы подготовки оперативного состава?

– Так точно, – сделал попытку приподняться со стула Ивашов, но был остановлен жестом начальника контрразведки дивизии. – Только они лишь вначале назывались курсами, а потом стали называться школой ГУКР НКО «СМЕРШ».

– И сколько вы там обучались?

– Три месяца.

– А потом сразу были направлены в действующую армию?

– Так точно!

– Ваша школа была под Жуковском?

– Именно так, товарищ майор.

– Кажется, начальником школы в ней был генерал Голицын?

– Он самый.

– Что вы о нем слышали?

– Рассказывали, что он будто служил в контрразведке царской армии. Во всяком случае, всегда ходил при царских орденах.

– Все так... Я тоже имел честь быть с ним знакомым. И генерал Голицын не просто служил в царской армии, а был одним из руководителей контрразведки. Товарищ Сталин лично пригласил его, чтобы он организовал и наладил у нас военную контрразведку по принципу царской армии. Он из князей, из тех самых, но это неважно... Потому что родина у нас одна, и совершенно не имеет значения, у кого какие погоны: царские или советские.

Георгий Фомич вновь углубился в содержимое папки. Было ему лет под сорок, сразу видно, дядька серьезный: во вдумчивом взгляде, в четко произносимых словах и неторопливых движениях чувствовалась некая основательность и большой профессиональный опыт. «Похоже, повезло мне с начальником», – подумалось вдруг Ивашову.

– Вы пока ехали, осмотрелись?

– Все разбито, товарищ майор.

– Да, это так, – невесело согласился Стрельцов. – А еще немцы оставили у нас в тылу свою агентуру, и нам предстоит ее выявить. Уверяю вас, работы будет много, а штата, как всегда, не хватает. Вот буквально три дня назад выявили абверовского радиста. Регулярно передавал в центр метеосводки... Вот что, товарищ младший лейтенант Ивашов, – возвращая Егору документы и закрывая папку, продолжил официальным тоном майор, – вы командуетесь оперуполномоченным контрразведки «СМЕРШ» Государственного комитета обороны в 520-й стрелковый полк, расквартированный в деревне Пушкаревка. Это в семи километрах от нас... В вашем распоряжении сержант Масленников Федор Денисович из взвода управления первого батальона и бывший ординарец вашего предшественника рядовой Андрей Зозуля. Это, так сказать, ваш отдел контрразведки полка. Юридически вы на службе в отделе контрразведки дивизии и подчиняетесь непосредственно мне, но это не значит, что вы в полку абсолютно независимая единица. – Он очень серьезно посмотрел на младшего лейтенанта. – Вы ни в малейшей степени не должны противопоставлять себя другим офицерам полка, как это не столь уж и редко делал ваш предшественник. Внутренний распорядок полка в должной мере касается и вас. Находясь в полку, вы живете его жизнью. В противном случае вам очень трудно будет исполнять свои обязанности. Вы ведь знаете, что поимка диверсантов и изобличение вражеских разведчиков – работа эпизодическая, она может случиться, а может и нет, поэтому на девяносто процентов служебного времени ваши обязанности будут заключаться – и должны заключаться – в агентурно-оперативном обслуживании полка, к которому вы прикомандированы. А иначе как вы без агентурного аппарата будете разыскивать предателей и неблагонадежных лиц? Как будете разоблачать членовредителей? Как узнаете, кто в вашей части чем дышит, какие связи имеют военнослужащие вашего полка с гражданским населением и что представляет собой это население? Ведь для проникновения в военную среду противник весьма охотно использует гражданских лиц... Все или почти все, что вам положено знать, узнается через

агентуру и осведомителей. А их у вас почти не будет, если вы устранитесь от общей жизни полка... Вот мой совет, будьте дружелюбны, доступны, и люди это оценят.

Майор Стрельцов снова внимательно посмотрел на младшего лейтенанта и, увидев в его глазах понимание, замолчал. В конце концов, все, что он говорит и еще может сказать, оперуполномоченный контрразведки Егор Фомич Ивашов, как окончивший курсы «СМЕРШ», знает и сам...

– Разрешите вопрос, товарищ майор, – не-ожиданно попросил младший лейтенант.

– Задавайте.

– А мой предшественник... Его убили?

– Старший лейтенант Василий Иванович Хромченко погиб при невыясненных обстоятельствах, – ответил Стрельцов, слегка нахмурившись.

– Простите, товарищ майор, а каких именно?

Начальник отдела контрразведки дивизии с интересом взглянул на младшего лейтенанта:

– Вижу перед собой оперативника... Он погиб от неосторожного обращения с оружием.

Так гласит официальная версия.

– А была и неофициальная?

– Была, – нехотя проговорил майор, – что он застрелился. Но эта версия не нашла поддержки у следствия.

– А когда погиб Хромченко?

– Три... Да, три недели назад, то есть восьмого июня. От нас на место выезжал следователь Кожевников, приезжал военный прокурор, по факту гибели Хромченко проводилось следствие. Все, как и положено в подобных случаях. Следствие пришло к выводу, что смерть старшего лейтенанта Хромченко произошла по причине неосторожного обращения с оружием.

– Такое случается, – заметил Ивашов.

– Случается, особенно на войне, – согласился Стрельцов. – Еще вопросы имеются? – поинтересовался он.

– Так точно. Как мне в полк попасть, в деревню эту... Пушкаревку?

– Завтра ближе к полудню в полк из штаба дивизии поедет нарочный с пакетом. На мотоцикле. Он тебя захватит, – перешел на «ты» Георгий Фомич, – я распоряжусь.

– А если все-таки сегодня? – спросил Егор.

– А если ты хочешь попасть в полк сегодня, то придется тебе пройти пешком, – одобрительно посмотрел на Ивашова майор. – Обойдешь пруд, потом через каменный мост – и по грунтовке. Затем четыре с половиной километра лесом. Как лес закончится – покажется деревня Вакаловщина. Немцы ее дотла пожгли, так что не спутаешь... От Вакаловщины до Битицы еще километра полтора... А там и до Пушкаревки рукой подать. Дорога там одна, наезженная тягачами, не запутаешь...

– Понял, товарищ майор, – поднялся со стула Ивашов. – Разрешите идти?

– Идите, – снова перешел на официальный тон начальник контрразведки дивизии. – Сейчас зайдите с вашим предписанием в канцелярию и финчасть, встаньте на денежное и пищевое довольствие, ну, а как оформитесь – в добрый путь!

Глава 2

На волосок от смерти

Обогнув заболоченный по берегам пруд, Ивашов оглянулся. С этого места, в сравнении с соседними строениями, штаб дивизии смотрелся настоящим дворцом, а разбитый вокруг него парк, пусть и неухоженный, неприбранный, с заросшими тропинками, придавал двухэтажному строению некую значимость и даже величественность.

Он прошел древний каменный мост и ступил на глиняную грунтовку, которая только своим названием оправдывала наименование дороги. На самом деле это была сплошная непро-сыхающая лужа, которую пришлось обходить по высокой запыленной траве. Невдалеке корабельными мачтами возвышался сосновый лес, и более или менее сносная дорога началась лишь тогда, когда Егор вступил в начавшийся перелесок.

Мысли у младшего лейтенанта были самые разные.

Как-то будет на новом месте? Как у него сложатся отношения с людьми? Ведь оперуполномоченные «СМЕРШа» – это прямые преемники сотрудников военной контрразведки Особых отделов НКВД. А «особистов» в армии не любили, относились с опаской и предпочитали обходить стороной...

И еще: с чего начинать работу в полку?

Нет, чем заниматься и как, Егор Ивашов знал прекрасно. Его этому учили на курсах. Да и практический опыт имелся достаточный – служба в погранвойсках НКВД предполагала выполнение схожих задач: борьба со шпионами, диверсантами, полицией и бандитскими формированиями и их уничтожение. Правда, выявляли их другие люди, а он, вначале рядовой, а в конце сорок второго года уже сержант Ивашов, лишь исполнял приказания командиров.

Теперь же все придется организовывать самому: и выявлять, и приказывать, и проводить оперативные мероприятия...

Перелесок скоро потемнел, а потом и вовсе переродился в настоящий густой лес. День клонился к закату, и солнечные лучи уже не пробивались через деревья, освещая дорогу.

Егор прибавил шагу, чтобы успеть засветло прибыть в расположение полка. Он прошел уже больше половины пути к Вакаловщине, когда увидел в придорожном пролеске немецкий полугусеничный бронетранспортер «Ханомаг» с разбитой гусеницей и закопченным от дыма броневым корпусом. Видимо, бронетранспортер подбили партизаны, а когда сюда пришла Красная армия, «Ханомаг» тягачами просто столкнули с дороги на обочину к лесу, чтобы не мешал движению. Пулемет с него сняли вместе с защитным щитом, а все остальное оставили до лучших времен: не запирает дорогу, и ладно. А там на переплавку пойдет.

Егор отошел от бронетранспортера метров на сто пятьдесят, когда вдруг почувствовал неясную тревогу. С каждым шагом необъяснимое чувство опасности возрастало, а он привык к нему прислушиваться.

Ивашов замедлил шаг и расстегнул кобуру.

Осторожный шаг, еще такой же бережный...

Стояла неправдоподобная тишина, словно в уши забили вату: ни шороха листьев на ветру, ни пиликания лесных птиц. И было слышно, как громко бьется собственное сердце.

Что это? Кажется, хрустнула сухая веточка недалеко от придорожных кустов. В иное время Егор и не услышал бы этого звука, но сейчас его обостренный слух воспринял бы даже далекое чужое дыхание.

Так бывало с ним, когда он нес службу на границе...

Москвича Егора Ивашова взяли в армию в октябре сорокового года, когда ему только исполнилось восемнадцать. Вообще-то призывной возраст начинался с девятнадцати, но тех, кто окончил десятилетку, брали и по достижении восемнадцатилетнего возраста. Из комиссариата призывников привезли на вокзал. Построили на платформе, политрук произнес короткую напутственную речь, после чего их погрузили в товарные вагоны с деревянными настилами в два этажа, и поехали. Кто-то, верно, для того, чтобы как-то подбодрить себя, запел:

Утро кра-асит нежным све-то-ом
стены древне-а Кремля-а,
просыпается с рассве-ето-ом
вся Сове-етская-а земля-а.
Холодок бе-ежит за во-оро-от,
шум на улица-ах сильне-ей.
С добрым утром, ми-иный го-оро-од,
сердце Ро-одины мое-ей!

Егор сам не заметил, как стал подпевать. Громче и громче:

Кипучая-а, могучая-а,
никем не-по-бе-димая-а, —
страна-а моя-а, Москва моя-а —
ты самая люби-имая-а!

Ехали долго. Шесть суток. Делали длинные остановки на крупных станциях. Курск, Киев, Винница... Перемышль. Далее пошла западная граница. Такая, что западнее не бывает, — Перемышль еще год назад был польским городом...

А потом их ожидала короткая солдатская баня, облачение в армейскую форму, казарма учебного батальона. И четырехмесячная учеба, готовившая солдат для охраны советской границы. Тактика, основы криминалистики, строевая и физическая подготовка, стрельбы, ведение рукопашного боя: «Длинным — коли! Коротким — коли!»

Интересно было распознавать следы. Человеческие, а также следы различных животных. Егор не сразу научился распознавать поддельные лошадиные и коровьи следы от настоящих, а вот один человек прошел или больше, ступая след в след, различать получалось: ширина следа, хоть и ненамного, все же была больше обычной, и сам след был глубже и утоптанней. По этой глубине можно было определить, шел человек лицом или спиной, один шел или группой, просто шел с грузом или нес на плечах еще одного человека. У разведчиков и контрабандистов приемы были очень схожи, разница заключалась в том, что последние не имели навыков оперативной работы, а потому попадались едва ли не каждый день.

Интересно было учиться ходить по-пограничному: бесшумно и одновременно быстро. Такое передвижение в корне отличается от обычной ходьбы: нужно, в зависимости от ситуации, мгновенно принять решение, где следует ступать с носка на пятку, а где с пятки на носок, к тому же, чтобы веточка сухая не хрустнула или камушек невзначай не тронуть. И то и другое ночью слышно будет так, словно невдалеке со всего размаху ударили палкой о кровельное железо. Особенно, когда обострен слух. А когда тебе интересно то, чему ты учишься, то получается всегда хорошо.

Навыки эти ох какгодились сначала на границе, а потом на фронте...

Через четыре месяца были экзамены, принятие присяги и распределение по заставам девяносто второго пограничного отряда НКВД СССР в количестве двух с половиной тысяч

человек. Пять комендатур, двадцать одна линейная застава на протяжении границы длиной двести пятнадцать километров.

«Приказываю выступить на охрану Государственной границы Союза Советских Социалистических Республик. Задача наряда: затемно, соблюдая все средства маскировки, занять место в „секрете“ правее отдельно стоящей ольхи...»

«Есть, выступить на охрану границы Союза Советских Социалистических Республик...»

Это случилось как раз в «секрете» «правее отдельно стоящей ольхи».

В одну из весенних ночей сорок первого рядовой Егор Ивашов вместе со своим напарником Серегой Белоусовым получили приказ выступить на охрану государственной границы и залегли в «секрете». Место это было в небольшом кустистом овражке, зимой служившем, очевидно, берлогой какому-нибудь «топтыгину», и было уже вдоль и поперек знакомо. Равно как и сам участок, надлежащий к просмотру.

Что хорошо в таком «секрете»?

А многое: лежи себе, смотри в оба глаза и слушай тишину. А она бывает загадочной и часто красивой.

А что плохого?

Тоже немало: если двигаться – так медленно и в полдвижения, если дышать – так лишь в полноздри. Не кашлянуть, ни, упаси бог, чихнуть. Ну, а ежели вдруг сморит сон на посту, то можешь больше никогда и не проснуться. Поскольку в такой ситуации, как оно чаще всего и бывает: возьмется невесть откуда хорошо обученный враг *с той стороны*, умело полоснет кинжалом по горлу, да и оттащит бездыханные тела на *свою сторону*, что не однажды случалось. А потом *враждебная сторона* громогласно и на весь мир заявит: «Случился очередной пограничный инцидент: советские пограничники нарушили границу!» И в качестве подтверждения своих слов предъявит два окоченевших трупа советских пограничников, убитых, дескать, при переходе границы иностранного государства. Выигрыш *неприятельской стороны* весьма очевиден: и скандал против СССР спровоцирован, и конкретный пост линейной заставы на время обезлюжен, и подлинные советские документы на руках, плюс форма и вооружение. Есть чем экипировать двух своих шпионов...

Поскольку пограничный «секрет» – наряд ночной, то много особенно не различишь, разве что неясные человеческие силуэты на фоне неба... Зато услышать можно многое. Слух в такие часы обостряется до невероятности: в ночной тишине вполне можно различить громы вагонных колес поезда по стыкам рельс, проходящего за много километров до места пограничного «секрета». Днем, как ни напрягайся, звука проходящего поезда не услышишь. Или лай собак, слышимый на несколько верст. Обостряется и обоняние. В лесу воздух замешан на травах и цветах, и всякий чужеродный запах распознается на многие десятки метров. Или... Да много еще чего!..

Первый час прошел спокойно. Если не считать, что ночное небо еще больше затянулось тучами, и стало так темно, что вглядываться в наступившую темень было попросту бессмысленно.

В начале второго часа Ивашов увидел какое-то темное пятно, медленно двигавшееся по направлению к «секрету». Кажется, пятно это заметил и Серега Белоусов. Оба стали пристально всматриваться, пытаясь определить, что же это: человек или какой-то зверь.

И вдруг неясная тревога заставила учащенно биться сердце. Впоследствии, уже обучаясь в школе младшего начсостава, Егор не раз задавал себе вопрос: а что было бы, не оглянься он тогда назад? И находил один-единственный ответ: была бы неминуемая смерть...

Это чувство тревоги заставило его обернуться. И он увидел прямо над собой занесенную руку с тускло блеснувшим лезвием кинжала. Не отдавая себе отчета в своих действиях, чисто механически, Егор перевернулся на спину, схватил руку за запястье, резко отвел ее в сторону и дернул на себя. Человек в маскировочном халате, неслышно зашедший сзади, повалился на

него, завязалась борьба, в результате которой Егору удалось завести руки нарушителя назад, а самого его вдавить в землю.

Второго нарушителя, продолжавшего идти прямо на «секрет» и не подчинившегося окрику «Стой!», застрелил, недолго думая, его напарник Серега Белоусов. Он же, пока Егор сидел верхом на нарушителе, жестко подавляя все его попытки высвободиться, слетал к секретному пеньку, в нутре которого был спрятан телефон, и доложил на заставу о задержании.

– Сейчас пришлем вам смену, – ответили в трубку. – А вы пока отконвоируйте задержанного на заставу...

На следующее утро рядового Ивашова вызвал к себе начальник заставы.

– Поздравляю вас с задержанием, – сказал он и объявил: – Матерого нарушителя поймали, сейчас он дает признательные показания. Пограничник Ивашов, вы направляетесь в город Коломы для обучения в школе младшего начальствующего состава. Выезд через час...

Практически начальник заставы его спас. Поскольку двадцать второго июня застава полегла вся. До единого бойца...

Тревога нарастала, билась уже где-то под самым горлом, пульсировала вместе с сердцем.

Ивашов сделал еще несколько шагов, замер в каком-то оцепенелом ожидании и вдруг бросился на землю. Почти тотчас, через какие-то доли секунды, прозвучала автоматная очередь. Краем глаза Егор заметил дрогнувшую ветку придорожного куста и трижды выстрелил в ту сторону. Послышался приглушенный вскрик. А может, и показалось.

Он быстро поднялся, петляя, бросился к кустам, но там, конечно, уже никого не было. Тот, кто стрелял, увидел, что не попал, и так же неслышно запропастился. Похоже, тоже умел ходить бесшумно... Значит, за ним серьезная школа, а такой, как правило, следов не оставляет. В лесу темнеет быстро. Еще час-полтора – и будет совсем темно. Конечно, какую-нибудь зацепку отыскать всегда можно. Не по воздуху же он полетел обратно в свою берлогу. А то, что укрытие у него где-то в лесу, – в этом можно не сомневаться. Но искать придется долго. И уж точно не сегодня. Скоро в этом лесу черта лысого разве что и увидишь.

А ведь сегодня он, младший лейтенант Ивашов, опять был на волосок от гибели. Как тогда, в «секрете», под Перемышлем... Уберег ангел-хранитель, не дал сгинуть.

Егор потопал дальше, продолжая прислушиваться к любому звуку и шороху. Лес скоро стал редеть, большие светлые полянки сообщали своим появлением о том, что лес вот-вот закончится. Потом сосновые деревья сменились дубовым редколесьем, а еще метров через пятьдесят Егор вдруг увидел деревню. Точнее то, что от нее осталось: голые закопченные каменные печи с голенастыми трубами в грудах головешек. Одна печь, две, четыре... На возвышении стояла каменная церковь без венчающего купол креста. Стояла, как некий укор и печаль по тому, что лежало окрест. Кажется, церковь была не тронута огнем. Над входом в бывший храм висела покосившаяся большая табличка: «Клуб».

Это была та самая Вакаловщина, о которой говорил Егору Ивашову майор Стрельцов.

Младший лейтенант шел по проселку и считал: восемнадцать, тридцать четыре, семьдесят, сто семнадцать... Настоящее кладбище домов. Вся деревня была сожжена дотла: ни одного уцелевшего дома. И ни единой живой души. А ведь некогда здесь было более ста тридцати дворов, судя по печам. На печных трубах, как на древних кладбищенских крестах, сидело в своем траурном одеянии воронье, лениво косясь на проходившего мимо человека.

Километр с небольшим до Битицы младший лейтенант Ивашов прошел менее чем за четверть часа. В селе размещался батальон 465-го стрелкового полка, и патруль из комендантского взвода дважды проверил у Егора документы.

– У нас тут беспокойно, постреливают, так что будьте осторожны, – возвращая документы, предупредил старшина комендантского взвода на выходе из села, уважительно глянув на медаль «За отвагу» на груди младшего лейтенанта.

– Я знаю, – без улыбки ответил Егор, засовывая документы в нагрудный карман гимнастерки.

Невдалеке от Битицы показалось село Пушкаревка, где разместился на постой 520-й стрелковый полк – место службы оперативного уполномоченного отдела контрразведки «СМЕРШ» младшего лейтенанта Егора Ивашова.

Как-то оно все сложится?..

Глава 3

День рождения с «красненьким»

У него сегодня был день рождения. Ровно двадцать девять лет назад в городе Харькове в семье приват-доцента Харьковского Императорского университета Ипполита Владимировича Липского родился сын, который, с взаимного согласия отца и матери, был назван Виктором. Не ахти какая дата, конечно, но ровно через год, если даст Бог, ему пойдет четвертый десяток. А это уже звучит...

А почему бы не устроить себе праздник? Не сделать самому себе подарок, отправив на тот свет еще одного врага, тем самым пополнив копилку мести за отца и мать, единственных людей, которых он любил и которых у него отняли москаль-комиссары?

Сыч взял лампу и прошел в оружейный отсек – так он называл ту часть комнаты, где хранилось оружие. Какое-то время он выбирал между пистолетом-пулеметом «МР-40» и карабином «маузер». Выбрал автомат «МП-40», который казапы прозвали «шмайсером». Конечно, если бы пришлось вести прицельный огонь на пару-тройку сотен метров, тогда лучше «маузера» и еще русской винтовки Мосина не отыскать. Она тоже аккуратно стояла в нише-отсеке рядом с русским автоматом «ППШ» и ручным немецким пулеметом «МГ-42». Но Сыч решил, что обстрелять обоз, группу солдат, возвращающихся из госпиталя (лучше офицеров), или конного фельд-егеря-энкавэдэшника из придорожных кустов лучше из «шмайсера». И скорострельность у него высокая, и для ближнего боя (если что) лучше оружия нет, и компактен, а значит, уходить с ним от преследования будет легче.

Сыч пошел налегке, с одним магазином. Тридцати двух патронов вполне хватит на восемь коротких очередей, а чтобы положить небольшую группу солдат, достаточно четырех-пяти очередей. На всякий случай Сыч прихватил пузырек с хлоркой, чтобы «забить» след для собаки.

Он поднялся по ступенькам к люку, прислушался: тихо. Вытянул руки, медленно поднял люк с толстым слоем дерна и отвел его в сторону. Вылез в зарослях бузины, прикрыл люк и пошел, неслышно ступая, по направлению к лесной грунтовке. Шел, примерно, с полкилометра, потом выбрал заросли погуще и стал ждать.

День клонился к закату, когда на дороге по-явился молодой офицер в новеньком обмундировании и с тощей котомочкой за плечами.

Сыч привычно разложил автоматный приклад, чтобы бить прицельней, невольно покривился, поскольку допустил при этом небольшой промах – прозвучал щелчок (вряд ли слышимый уже в нескольких метрах), выбрал сектор на дороге и прицелился. Как только офицер войдет в этот сектор, раздастся короткая автоматная очередь, и все будет кончено. После чего, вполне удовлетворенный содеянным, он уйдет назад, не позарившись ни на форму, ни на документы убитого офицера – этого добра у него теперь предостаточно, начиная от разнообразной штатской одежды и заканчивая обмундированием рядового связиста и подполковника артиллерии. И все воинские документы у него – комар носа не подточит, а свидетельство об освобождении от воинской повинности по ранению – так вообще подлинное. Если вдруг комендантский или (не приведи господи) военный патруль НКВД вдруг захотят проверить, действительно ли у него имеется ранение, или мужчина преступно уклоняется от воинской службы, или, более того, – дезертир, на этот случай можно предъявить доказательство: сквозное пулевое ранение в грудь аккурат в дюйме от правого соска, с повреждением легкого и правой лопатки. На то и врачебное заключение наличествует, и следы на груди и спине, какие и бывают при подобном ранении: немецкие хирурги при разведывательно-диверсионных шко-

лах такие асы, что сделанные ими надрезы на груди и спине от настоящего сквозного ранения абсолютно не отличишь...

Еще несколько шагов, и молодой офицерик попадет в нужный сектор дороги. И тогда Сыч нажмет на курок...

Но офицер – теперь было видно, что он в звании младшего лейтенанта – почему-то замедлил темп движения. Идет, едва ли не крадучись и будто бы прислушиваясь к чему-то. Неужели он услышал тот щелчок, когда Сыч раскладывал автоматный приклад? Нет, быть такого не может.

Вот младший лейтенант делает шаг, второй и попадает в сектор обстрела. Вдруг отчего-то замирает, а потом неожиданно, за доли секунды до того, как в него вопьются пули автоматной очереди, падает на дорогу. Сыч услышал ответные три выстрела из револьвера. И еще услышал свой собственный вскрик, который он успел приглушить: это один из выстрелов младшего лейтенанта достиг цели. Пуля вспорола щеку и вонзилась в одну из сосен за спиной.

Сыч резко повернулся и, зажимая рану ладонью, побежал на носочках в сторону землянки, стараясь не шуметь и не оставлять следов. Спиной он чувствовал, что молодой офицер не видит его и не преследует, но все равно не сбавлял шага, пока не добежал до зарослей бузины. Здесь встал на колени, заполз в кусты, отодвинул люк лаза и спустился в землянку. Аккуратно прикрыв за собой люк, прошел до маленького оконца, закрыл его специальными ставнями, зажег керосиновую лампу и, глядя в зеркало, обработал рану на щеке спиртом, замазал ее парафином, после чего наложил марлевую повязку.

Все действия проделывались механически, «на автомате». Когда Сыч закончил с раной, вернулась способность трезво размышлять. И первая мысль была такова: «А ведь начальник армейской двадцать шестой абвергруппы капитан Мишелевский, оставляя меня в прифронтовой полосе большевиков, предупреждал, чтобы я лишний раз не высывался. Так нет же, поперся! Захотелось себе подарок на день рождения сделать...»

– Ну что ж, вот и получи *подарочек*, – сказал Сыч уже вслух, с кривой ухмылкой разглядывая в зеркале кровавое пятно на марлевой повязке. – С красненьким! А ведь могло быть куда хуже, окажись младший лейтенантик чуточку точнее. Не иначе, как второй раз родился!

Сыч поднялся, сходил в «продовольственный отсек», где хранились продукты, которых ему должно было хватить минимум месяцев на шесть при правильном использовании, принес бутылку киршвассера, налил полный стакан и, пожелав себе «всех благ», выпил. Затем прошел в другую комнату, поменьше, которую он называл «спальной», и повалился на деревянный топчан.

Ипполита Владимировича Липского арестовали в тридцать третьем. Он обвинялся в связях с УВО – националистической контрреволюционной повстанческой организацией – с целью создания Украинской буржуазно-демократической республики. Еще Ипполиту Владимировичу предъявили обвинение в подготовке покушений на секретаря Центрального Комитета коммунистической партии большевиков Украины товарища Постышева и наркома внутренних дел СССР товарища Балицкого. Органы НКВД Украины припомнили ему, окончившему Николаевский Инженерный институт, и то, что он служил военным Инженером в чине капитана в царской армии, и то, что был женат на графине-полячке. После недолгого разбирательства судебной «тройкой» при коллегии ГПУ СССР с правом внесудебного рассмотрения дел профессору Липскому был вынесен приговор о высшей мере наказания. На следующий день по вынесению приговора Ипполита Владимировича расстреляли.

Его супругу, Юстину Казимировну Липскую, урожденную графиню Бобровскую из галицкой шляхты, в свою очередь обвинили в пособничестве шпионско-террористической группировке Польской военной организации и решением судебной «тройки» отправили в политический изолятор Верхнеуральска на три года. По истечении этого срока ей было пред-

писано отправиться на поселение в Алма-Ату. Но до нее она не доехала: была снята с поезда и решением «тройки» ГПУ получила новый срок – пять лет исправительно-трудовых лагерей в Магадане.

Через год она умерла...

Так юный Виктор Липский остался один. Сразу после ареста отца Виктора, как сына врага народа, исключили из комсомола и отчислили со второго курса Харьковского государственного университета. А на третий день после расстрела отца на квартиру Липских пришла какая-то женщина с домовою книгой и, представившись «уполномоченной», зачитала приказ о выселении Виктора Ипполитовича Липского из квартиры.

– Где ж я буду жить? – спросил Виктор.

– А где хошь, – ответила «уполномоченная» и демонстративно захлопнула домовую книгу. – Меня это не интересует. Можешь к родственникам податься.

В Полтаве у Виктора жила бабка, мама отца, и Виктор поехал к ней. Приняла со слезами, приголубила. Там Виктор устроился работать грузчиком на фабрику, изготавливающую термометры и песочные часы. Был нелюдим, людей не привечал, друзей не имел, а после смерти бабки в сороковом году (уж слишком старушка по сыну тосковала, вот и сдало здоровье) жил один, чем нисколько не тяготился.

Однажды знакомая девушка с фабрики сказала ему:

– Ты все время один и один. А ведь одиночество в конечном итоге ведет к деградации личности.

– Не уверен, – буркнул в ответ Виктор. И больше ничего не сказал, хотя, похоже, этой девушке он нравился...

А ему нравилось одиночество. И в первую очередь потому, что он всецело принадлежит себе и вправе по своему усмотрению распоряжаться временем. Тем самым, что в виде песчаной струйки сначала медленно, а затем все быстрее и быстрее вытекает из верхней колбы в нижнюю в песчаных часах.

Виктор имел возможность читать книги и размышлять о прочитанном, да и обо всем другом, что его окружало. Он отнюдь не деградировал, как пыталась его уверить знакомая девушка, напротив, развивался, правда, в том направлении, в каком ему хотелось самому. Благодаря одиночеству и размышлениям, он перестал совершать опрометчивые поступки и стал мудреть, причем намного быстрее, нежели его сверстники, никогда не пребывающие наедине с самими собой. А Виктор от людей уставал. Душевно и физически. Не любил толпу, в которой чувствовал себя совершенно чужим.

На следующий день после начала войны была объявлена всеобщая мобилизация. Сына врага народа она не коснулась, и Виктор Липский продолжал работать на фабрике.

На рассвете восемнадцатого сентября сорок первого года над Полтавой показались немецкие самолеты. Южная часть города, где группировались войска Красной армии, была почти полностью разрушена вместе с фабрикой термометров и нефтебазой, взметнувшейся к небу черным столбом дыма.

После бомбардировки города началось наступление немцев со стороны Киева. Весь день в городе слышались приближающиеся раскаты орудийных выстрелов.

В пять часов пополудни случилась очередная бомбардировка города. После чего началось новое наступление немецких подразделений, рвущихся на левый берег реки Ворсклы. Вечером южная часть города была взята немецкими войсками. А к ночи – и вся Полтава. Город во многих местах пылал пожарами, и было светло, как днем.

Два дня немцы тушили пожары, а на третий день оккупации стали устанавливать новый порядок. Полтава была включена в состав рейхскомиссариата «Украина», о чем было официально объявлено по быстро восстановленному радио и пропечатано в листовках, расклеенных по всему городу.

Был установлен комендантский час, не позволяющий гражданам передвигаться по городу без разрешающих пропусков.

В конце сентября появились и заработали комендатура и городская управа во главе с бургомистром и городским головой. В комендатуре – отделы: организационный, хозяйственный, продовольственный, технические, финансовый, врачебно-санитарный. Появился и отдел культуры, в ведении которого находились ЗАГСы, незакрытые школы и две новых гимназии для девочек и для мальчиков, кинотеатры, театры, церкви, две из которых, Преображенская и Сампсониевская, уже открылись. Еще управа ведала вспомогательной полицией, среди служащих которой вдруг неожиданно оказалось много ингушей и чеченов. К местной полевой жандармерии, естественно, городская управа никакого отношения не имела.

А еще появились базары-барахолки едва ли не на каждой площади города и «толчок» на улице Бассейной. Стало вдруг много девушек в вышиванках, чего ранее не особо наблюдалось. Закрасовалась немецкая свастика на постаменте скульптуры «Рабочий и колхозница» у центрального входа в Корпусный парк. И вышел приказ от лица комендатуры и управы города, что все граждане города Полтавы должны явиться на свои прежние места работы и заняться своими обычными профессиями. Для потерявших работу были созданы районные биржи труда, на одну из которых и явился поздней осенью сорок первого года Виктор Липский.

На газетном стенде у биржи, где еще пару месяцев назад вывешивались газеты «Правда», «Известия» и местная газета «Большевик Полтавщины», теперь в половину стенда красовался большой плакат, на котором в центре была изображена крестьянская семья: мужик в кепке, с косой на плече, и его молодая жена в косынке, с граблями и малой девчушкой на руках. Вся троица счастливо улыбалась. За их спинами стояли три немецких солдата с автоматами, как бы охраняя счастье этой украинской семьи. Над солдатами было написано:

Они освободили вас и защищают.

А в самом низу плаката, в точности под счастливой семьей, крупными буквами было выведено:

Ваша благодарность – это ваш труд.

Вторая половина стенда называлась «Доска сатиры». На ней тоже висел плакат только с изображением Сталина. Он был двулик. По одну сторону от него стоял толстогубый чернявый пузан с крючковатым носом, которому Сталин сыпал в пригоршню пачки денег, по другую – колхозник в портках и драной рубахе, которому Сталин показывал кукиш.

Внизу под рисунком красовался стишок:

Коммунизма прост секрет:
кому «на», а кому – «нет».
Жидовне идет барыш,
а народу – только шиш.
Янкель денежки считает,
а колхозник голодает.
Так у нас заведено
Сталиным уже давно.

Несколько человек стояли у стенда и озабоченно качали головами:

– Адже вирно.

Виктор толкнул дверь биржи и вошел внутрь. Народу было не то чтобы не протолкнуться, но вполне достаточно. Над головами пришедших на биржу полтавчан едва не под самым потолком висел кумачовый транспарант с выведенной белой краской сентенцией:

Борясь и работая вместе с Германией, ты и себе создаешь счастливое будущее.

Ждать пришлось долго, часа два с хвостиком. Наконец очередь дошла и до Виктора Липского.

– Следующий! – раздалось из-за двери.

Он открыл дверь небольшого кабинета и вошел:

– Доброго дня.

– Доброго, – ответила женщина, работавшая ранее в исполкоме Полтавского горсовета.

Она по-хозяйски сидела за столом, а в уголке скромно притулился на стуле малоприметный человек, совсем, на первый взгляд, не интересующийся происходящим, но на самом деле, как выяснилось позже, все примечающий и все слышащий.

– Ваше имя? – спросила женщина, приготовившись заполнять биржевую карточку.

– Виктор Ипполитович Липский.

– Национальность?

– Украинец.

– Женат, холост?

– Холост.

– Кто ваши родители?

– Отец: Липский Ипполит Владимирович, – начал Виктор. – Профессор. Расстрелян в тысяча девятьсот тридцать третьем году за связь с Украинской военной организацией...

Женщина мельком глянула на малоприметного человека, который делал вид, что смотрит в окно.

– ...Мать: Липская Юстина Казимировна, – продолжил Виктор. – Скончалась в Магаданском исправительно-трудовом лагере в тысяча девятьсот тридцать седьмом году... – Он немного помолчал и желчно добавил: – А может, тоже была расстреляна. Точно не знаю. Кто скажет?

– За что была осуждена ваша мать? – снова посмотрела в сторону малоприметного человека женщина.

– Ее обвинили в пособничестве шпионско-террористической группировке Польской военной организации.

– А как было на самом деле?

– Не знаю. Я ничего такого не замечал...

– Братья, сестры есть? – по-деловому спросила бывшая служащая Полтавского горсовета.

– Нет.

– Кто-либо из родных у вас имеется? И где проживают?

– Была только бабушка. Проживала здесь, в Полтаве. Умерла год назад, в сороковом...

– Ваше образование?

– Я окончил десятилетку и учился на втором курсе Харьковского государственного университета. А потом из университета меня отчислили, как сына врага народа, – ответил Виктор.

– Комсомолец?

– Был комсомолец. Исключили в тридцать третьем году по той же причине.

– Что вы умеете делать хорошо? – последовал новый вопрос.

– Когда-то я неплохо играл на фортепиано, – едва заметно усмехнулся Виктор. – Даже одно время хотел стать музыкантом. Но вряд ли это сейчас кого интересует.

– Ваше последнее место работы и специальность?

– А куда еще возьмут сына врага народа? Работал грузчиком на фабрике градусников... Ее разбомбили. И теперь мне нужна работа...

– Будьте добры, поставьте на биржевой карточке господина Липского пятую категорию¹ и штамп о бронировании его в дорожно-строительную колонну номер двадцать семь, воинская часть «два ноля двести двадцать», – поднялся со своего места малоприметный мужчина.

– Хорошо, Александр Феофилакторович, – кивнула женщина.

– А вас я попрошу следовать за мной, – предложил Виктору мужчина. – Если вы не против, конечно...

Виктор пожал плечами и вслед за малоприметным Александром Феофилакторовичем вышел из кабинета.

Они шли недолго, до дома номер сорок три по Пушкинской, где между первым и вторым этажами кособочилась вывеска: «ЗАГОТЗЕРНО». Александр Феофилакторович трижды позвонил. Дверь открыла круглолицая женщина лет тридцати.

– Зоя, майор у себя?

– У себя. Работает, – ответила она, уступая ему дорогу.

– Проходи, – пропустил вперед себя Виктора Александр Феофилакторович.

Липский вошел в учреждение и увидел большую прихожую, в которой толпилось с десяток мужчин разного возраста. Они по одному входили в дверь, на которой было написано «Плановый отдел». И больше не выходили. Одного, с прической «под бокс», Виктор знал: это был электромонтер Николай Макаров, не раз приходивший чинить старую дореволюционную проводку в бабкином доме. Бабушка Виктора звала его по-свойски Колей и за работу всегда угощала стаканом вишневой наливки собственного изготовления, чему тот был несказанно рад.

– Давай-ка мы с тобой не будем тут «светиться», – сказал Александр Феофилакторович, и они зашли в какую-то подсобку, выходящую окнами во двор.

Глянув в окно, Липский увидел проходящего по нему Николая Макарова. Верно, побывав в комнате с вывеской «Плановый отдел», он вышел из дома черным ходом.

Александр Феофилакторович достал из кармана зеленую пачку немецких сигарет с цифрой «5» посередине и предложил Виктору:

– Кури.

– Не курю, – отказался он.

– Что ж, правильно, – промолвил Александр Феофилакторович. – А чего не спрашиваешь, кто мы такие, зачем тебя сюда привели? – с любопытством посмотрел он на Виктора, чиркнув зажигалкой.

– Так скоро сами все расскажете, – резонно произнес Виктор.

– Тоже верно, – одобрительно кивнул Александр Феофилакторович, пустив густой серый дым под потолок, и добавил: – А ты не очень-то разговорчив.

На что Липский ничего не ответил.

Часа полтора они просидели в подсобке, пока прихожая совершенно не опустела.

– Ну, теперь наша очередь, – поднялся Александр Феофилакторович. – Ступай за мной.

Они прошли через прихожую и вошли в просторную комнату, где некогда находился плановый отдел конторы «Заготзерно». В комнате сидели три человека, внимательно глянувшие на Виктора: молодой смуглый, крепкого сложения грузин с черными усами, мужчина лет тридцати пяти в добротной штатской одежде и с выправкой военного, а также седоватый мужчина лет пятидесяти в форме немецкого офицера с петлицами подпоручика Отдельного русского корпуса на отложном воротнике мундира и погонами майора Белой армии на плечах.

– Ну, здравствуй, красноперый, – резко поднялся со стула грузин. – Наконец-то... – Он прошелся вокруг Виктора и криво усмехнулся: – Что, попался? А ну, рассказывай, сколько ты хороших людей пострелял, когда служил в энкавэдэ? – И, вплотную приблизившись к Липскому, достал из кобуры пистолет.

¹ Освобождение от отправки на работу в Германию. (Здесь и далее прим. автора.)

– Я никогда не служил в энкавэдэ, – стараясь быть спокойным, произнес Виктор.

– Не служил? – снова усмехнулся грузин. – У нас имеются показания против тебя. – Он подошел к столу и взял с него исписанный лист, который, однако, не показал Виктору, а лишь потряс им: – Вот они! Теперь тебе не отвертеться! Кто поручил тебе проникнуть в нашу организацию? Имя, адрес явочной квартиры, пароль! Говори!

Виктор непонимающе уставился на грузина:

– Это даже не смешно. Вы что-то путаете...

За лицом и реакцией Виктора внимательно следили мужчина с выправкой военного и майор с петлицами подпоручика. Последний вообще не сводил глаз с лица Виктора, как только он вошел в комнату. Он и уговорил грузина, очевидно, сделав для себя какие-то выводы в пользу Липского:

– Готово, перестань! Разве ты не видишь: молодой человек не имеет никакого отношения к энкавэдэ. Кстати, как ваше имя?

– Виктор, – ответил Липский.

– Расскажите немного о себе, Виктор, – предложил майор. И стал задавать вопросы, примерно такие же, что задавала женщина на бирже труда.

– А вы знаете, зачем вы здесь, у нас? – выслушав ответы Виктора и оставшись ими, похоже, весьма довольным, спросил майор.

– Нет, – ответил Липский.

– Мы – вербовщики агентуры для немецкой разведки. Здесь, в Полтаве, организуется разведывательно-диверсионная школа. Отделение предварительной подготовки агентов на днях уже начнет функционировать. Обучение займет три недели, после чего лица, успешно прошедшие подготовку, станут курсантами такой школы. Хочу заметить, что с момента согласия лица стать агентом и письменного оформления этого согласия он и его семья получают продуктовые карточки. Выдачей продуктов семьям агентов занимается вот, Роман Антонович, – указал майор на мужчину в штатском с военной выправкой. – После успешного окончания школы составляются разведывательно-диверсионные группы, обычно по два-три человека, получив специальное задание, они поступают в распоряжение абверкоманды, которая и перебрасывает их в ближний или дальний тыл Совдепии. Агентам выплачивается от трех до четырех тысяч рублей в месяц, семьи их находятся на полном обеспечении, кроме того, за успешно выполненное задание положена премия от десяти тысяч рублей и выше, в зависимости от того, насколько важное задание было выполнено. Возможно вознаграждение в немецких марках, это уж как вы пожелаете. Во время выполнения задания семьям говорится, что их родственники заняты на оборонных работах. Скажем, в дорожно-строительной колонне номер двадцать семь...

– У меня нет семьи, – заметил Липский.

– Возможно, так будет не всегда, – парировал замечание Виктора майор. – Я вам говорю это для того, чтобы вы знали, что немецкие власти неустанно заботятся о тех, кто им искренне и преданно служит... Так вот, мы предлагаем вам стать таким агентом. Что на это скажете, Виктор Ипполитович?

– Это для меня неожиданно. Можно подумать? – посмотрел на майора Липский.

– А что тут думать? – в изумлении поднял тот брови. – Большевицкая власть отняла у вас отца и мать. А вы говорите – подумать... Вам предоставляется шанс поквитаться с большевиками. Неужели вы не хотите отомстить за своих родителей?

– Хочу, – ответил Виктор и вдруг понял, что с того самого момента, как он узнал о расстреле отца, мысль о мщении засела глубоко в его голове. И если не точила его мозг ежедневно, так только потому, что поджидала подходящего момента. И вот этот момент настал...

– Так вот она, эта возможность! – словно подслушав его мысли, воскликнул майор. – Не упускайте ее... Я бы даже так сказал, хватайтесь за нее, держите ее крепко зубами, поскольку подобный шанс может никогда более не повториться.

– Хорошо. Я согласен, – кивнул Липский.

– Нет, не так, – покривился от слова «хорошо» майор. – Ваше решение должно быть совершенно добровольным. Осознанным. А получается, будто мы вас уговорили...

– Я прошу зачислить меня в отделение предварительной подготовки агентов немецкой разведки, с дальнейшим переводом в курсанты разведывательно-диверсионной школы, – твердо и четко произнес Виктор.

– Вот это другой разговор. – Майор убрал локоть с синей папки, раскрыл ее и достал напечатанный по-русски бланк. Это была подписка-обязательство о добровольном согласии сотрудничать с германской разведкой. Следовало только заполнить пустое место собственным именем, отчеством и фамилией, поставить число и расписаться. Что Виктор Липский и сделал.

– Подпишите еще одну бумагу... Вы не должны покидать Полтаву без нашего разрешения.

Прочитав напечатанный текст, Виктор поставил внизу размашистую подпись.

– Теперь, Виктор Ипполитович, можете идти домой, – сказал майор. – Вон через ту дверь, – указал он на дверь, ведущую к черному входу. – Когда придет время, мы вас вызовем...

Утром Сыч проснулся раньше обычного. И тотчас почувствовал тревогу.

Чуять опасность в разведывательно-диверсионной школе не учили. Учили замечать разн-ые мелочи, указывающие на опасность или ее возможность. На эти мелочи в гражданской повседневной жизни обычно не обращаешь никакого внимания. Попросту не замечаешь их. Лишь немногие люди, чаще всего пожилые и с большим жизненным багажом за плечами, умеют замечать посторонние мелочи. Они зовут их знаками, а то и знаменами, и толкуют их по-разному. Случается, что весьма правильно толкуют... А потому нередко избегают неприятности, которая буквально поджидала их за углом.

Ощущать опасность Сыч научился самостоятельно. Точнее, такое чувство пришло к нему как бы само собой. И открылось в ту самую майскую ночь сорок второго года, когда он с радистом были выброшены на парашютах в прифронтовую полосу Юго-Западного фронта РККА под Барвенково. С тех пор Сыч стал доверять накатывающему вдруг чувству тревоги, никогда не оказывающемуся безосновательным. Так показала последующая практика. Вот и сегодня он буквально за минуту собрал все необходимое, чтобы в случае обнаружения его землянки уйти потайным подземным ходом, лаз которого был под топчаном, и выйти в густую заросль кустов в шестидесяти метрах от землянки. Правда, землянка была замаскирована на- дежно – даже в трех метрах ее невозможно было заметить опытному глазу, но предосторожность никогда не помешает. Это тоже показала практика...

Виктор подошел к замаскированному окну и прислушался.

Вот невдалеке хрустнула сухая ветка. Кажется, слышались шаги и приглушенный говор.

Вот шаги ближе, еще ближе, теперь совсем рядом...

Глава 4

Камень след не держит

После представления командиру полка подполковнику Акулову, весьма холодно пожавшему руку младшему лейтенанту, Петр Григорьевич из вежливости спросил:

– Как доехали?

Верно, комполка намеревался получить короткий ответ, вроде того, что «доехал благополучно», после чего отдал бы распоряжение накормить младшего лейтенанта и определить его на постой. Однако новый оперуполномоченный полковой контрразведки «СМЕРШ» стал отвечать обстоятельно, мол, сначала добрался по железной дороге до города Суджа, потом ехал на попутке до штаба дивизии в Киянице, после чего до расположения полка шел пешком.

– А где-то в середине пути от Кияницы до Вакаловщины был обстрелян, – добавил младший лейтенант.

– То есть как обстрелян? – удивленно посмотрел на младшего лейтенанта подполковник Акулов.

– Автоматная очередь из придорожных кустов, – без всякого выражения ответил Ивашов. – Если бы вовремя не успел среагировать, то... – Он замолчал, поскольку было ясно и так: представление командиру полка могло бы не состояться. – Я произвел несколько ответных выстрелов. Возможно, стрелявший был легко ранен. Во всяком случае, я слышал его вскрик. Уже темнело, и преследовать не имело смысла.

– И каковы будут ваши соображения по этому поводу? – поинтересовался командир полка.

– Это вражеский агент, диверсант или разведчик, оставленный немцами при отступлении «на оседание» у нас в прифронтовой полосе... Думаю, с целью следить за перемещением наших частей. Может, оставлен один, может, работает в группе, – добавил Егор. – Так или иначе, надо его найти.

– Тогда чего же он стрелял? Зачем ему себя выдавать? – в задумчивости покачал головой подполковник.

– Да, это действительно странно. Но другой версии у меня пока нет.

– Ну, вот, младший лейтенант, у вас сразу же появилось *занятие*, – протянул руку Акулов. Судя по холодному рукопожатию и слову «занятие», произнесенному с несколько странной интонацией, командир полка уже имел дело с контрразведкой, и, видно, опыт был весьма неприятный. А может, предшественник Егора Ивашова – старший лейтенант Хромченко – просто не нравился Петру Григорьевичу чисто по-человечески. Такое тоже бывает. Следует учитывать, что «особистов» в частях недолюбливают, и часто не без основания. – Что вам нужно для его успешного выполнения?

– Люди, – спокойно выдержал взгляд подполковника Ивашов. – Хотелось бы по возможности поопытнее.

– Хорошо, – немного подумав, произнес комполка. – Весь разведвзвод я вам дать не могу, сами понимаете, у них сейчас много работы, но вот отделение из взвода разведки и отделение из комендантского взвода я вам на завтра выделить смогу. Вас это устроит?

– Так точно.

– Завтра с восьми ноль-ноль оба отделения будут в вашем распоряжении, товарищ младший лейтенант, – произнес подполковник Акулов. – Еще что-нибудь?

– Никак нет.

– Тогда отдыхайте. Я распоряжусь, чтоб вас накормили и обеспечили жильем...

Егор Ивашов был определен на постой в хату на самой окраине села, за которым начинались оборонительные позиции полка с траншеями полного профиля, соединяемыми между собой ходами сообщения. В этой хате до него проживал погибший оперуполномоченный отдела контрразведки полка старший лейтенант Хромченко. В прибранной хате Ивашова встретил бывший ординарец погибшего старшего лейтенанта рядовой Андрей Зозуля, чернявый верткий парень лет двадцати с небольшим, и пожилая полная хозяйка дома Авдотья Степановна, которую Зозуля по-свойски называл тетя Дуся.

Через четверть часа стало совсем темно. В раскрытое окно с улицы веяло прохладой, где-то недалеко беззлобно брехала собака, и казалось, что война идет где-то далеко, а здесь, в селе, обычная жизнь, нарушаемая разве что ворчанием собаки да бречением кухонной посуды...

– Может, все же сготовить вам поисти?

– Нет, спасибо, – уже во второй раз отказался от приглашения хозяйки дома поужинать Егор.

– А то б я картошечки вам пожарила з салыцем, – продолжала уговаривать нового постояльца Авдотья Степановна. – Прежний постоялец дюже любив картошечку з салыцем...

– Да уймись ты, тетя Дуся! – махнул рукой Зозуля в ее сторону и перевел разговор в другое русло: – А чего, товарищ младший лейтенант, теперь мне к вам в ординарцы идти?

– Если вы не возражаете, – совсем не по-военному ответил Ивашов.

– Та што мне возражать, я не возражаю... Куда родина прикажет, туда и пойду!

– Вижу, вы не без юмора, тогда вот вам первое задание: немедленно доставить ко мне сержанта Масленникова из взвода управления первого батальона. Знаете такого?

– А то, – немного обиженно произнес Андрей Зозуля. – Небось вместе при старшем лейтенанте Хромченко состояли.

– Вот и хорошо, – кивнул Егор. И строго, по-командирски, добавил: – Исполнять!

Сержанту Федору Денисовичу Масленникову было тридцать шесть лет. С виду мужик степенный, серьезный. Федор Денисович служил при старшем лейтенанте Хромченко с начала сорок второго года, будучи еще младшим сержантом, а Василий Иванович Хромченко – оперуполномоченным особого отдела НКВД. Увидев молодого офицера в новеньком обмундировании и погонах, на которых «муха не сидела», сержант немного сник, но доложил по уставной форме:

– Товарищ младший лейтенант, сержант Масленников по вашему приказанию прибыл!

Потом взор бывшего сержанта Масленникова упал на медаль «За отвагу», которая, верно, и примирила его с возрастом его нового непосредственного командира.

– Младший лейтенант Ивашов, Егор Фомич, – протянул руку Егор.

– Федор Денисович, – ответил рукопожатием сержант.

– Присаживайтесь, Федор Денисович, – указал на табурет возле обеденного стола младший лейтенант. – С этого момента вы возвращаетесь к обязанностям полкового контрразведчика и являетесь моим подчиненным с должностными полномочиями помощника оперуполномоченного отдела полковой контрразведки «СМЕРШ».

– Есть! – коротко ответил Масленников.

– Завтра вы мне поможете принять дела вашего бывшего командира.

– Слушаюсь!

– А где у старшего лейтенанта Хромченко было рабочее место? – поинтересовался Егор.

– Так у него ж при штабе полка свой кабинет имелся, – сказал сержант. – Только после... ну, после гибели старшего лейтенанта кабинет штабные опечатали.

– Все правильно, Федор Денисович, так и должно быть... А как погиб старший лейтенант Хромченко?

– Да кто его знает... – немного замялся Масленников. – Похоже, что он оружие чистил, и пистолет как-то сам... выстрелил.

– А вы где были?

– Так, выполнял задание товарища старшего лейтенанта.

– Какое?

– Разговаривал с... это... осведомителями, – выдавил сержант. Похоже, ему не очень нравилось общаться с солдатами, сообщающими неблагоприятные сведения о своих сослуживцах, что в народе называется «стучать».

– А сколько было таких осведомителей у Хромченко?

– Да, почитай, в каждом взводе у него был свой человек, а то и два, которые сообщали ему, кто чем дышит в их подразделении, – ответил Федор Денисович. – А он хотел, чтобы осведомители были в каждом отделении. Говорил, что так положено по штату. А это – четыре человека на взвод, а на батальон, почитай, за тридцать человек! В полку – три батальона. Еще разведчики, связисты да кухня с хозяйством. Это же осведомителей точно за сто человек получается! И от каждого – письменные докладные... Сколько работы... Правда, поубивало многих под Курском и Львовом в феврале, меньше половины полка осталось. Так старший лейтенант не только в свой кабинет, но и сюда вот, в дом стал солдат из пополнения по одному вызывать. Проверять на благонадежность, ну, и вербовать, стало быть, в осведомители. С каждым лично беседовал. Долго и обстоятельно. Его в полку солдаты «Чапаем» прозвали. Говорили: «Вон, Чапай идет. Щас начнет в „стукачи“ вербовать»...

– Почему «Чапаем»? – не понял Ивашов.

– Так Василий Иванович же... Ну, и усы...

– А много старых осведомителей в полку осталось?

– Человек пять-шесть, – почесал затылок сержант.

– Знаешь их?

– Так мне это по службе знать положено.

– А из пополнения Хромченко много новых осведомителей уже успел завербовать?

– Три человека, – ответил Масленников.

– А что мало так?

– Не успел... Да и пополнение в полк только с лета стало приходить.

– Этих троих тоже знаешь?

– Так точно.

– Ты мне, Федор Денисович, приготовь список и старых осведомителей, и новых. Фамилия, имя, отчество, год рождения, звание, в каком батальоне, роте, взводе служат, – попросил Ивашов.

– Исполню, товарищ младший лейтенант, – кивнул сержант.

– Хорошо... А какое оружие было у Хромченко?

– «ТТ». Я ему сколько раз говорил: поменяйте на «наган» или на «вальтер», лучше же! «ТТ» хоть и сильно бьет, но осечки случаются, а потом клинит его. Видно, он хотел разобраться, в чем там дело, а пистолет и выстрелил.

– Вы правы, – согласился с сержантом Ивашов. – Возможно, так оно и было.

– Ну вот... А он ни в какую. Я к своему пистолету, говорит, привык...

– Ладно, об этом позже... А пока – отдыхайте. Завтра приказываю быть у меня здесь в восемь ноль-ноль в полной боевой готовности.

– Есть, быть в полной боевой готовности! – Взял под козырек Масленников. – Разрешите идти?

– Идите...

Молодец, этот сержант Масленников, не стал расспрашивать, зачем да куда, а просто ответил: «Есть». Быть всегда готовым к боевым действиям – очень хорошая черта. И дисциплинирует, и показывает надежность человека, что рядом с тобой, и в конечном итоге помогает выжить.

Ивашову уже было постелено. В небольшой комнатке, вернее, в уголке, отгороженном от большой комнаты цветастой занавеской. Простыня белая, накрахмаленная.

Егор разделся, вытащил пистолет из кобуры и, положив его под подушку, лег. Нечасто в последнее время приходилось спать в настоящей постели, на перине и пуховых подушках. Несмотря на усталость, заснуть удалось не сразу: давало знать о себе происшествие, случившееся с ним сегодня в лесу. А ведь он и правда находился на волосок от смерти... И всего последующего могло не быть: ни разговора с людьми, ни назначения, не было бы и мягкой перины с накрахмаленной простыней.

Егору очень повезло, что после задержания нарушителя его направили в город Коломы для обучения в школе младшего начальствующего состава. Ведь его застава двадцать второго июня полегла вся. До единого бойца. Их же, курсантов ШМНС, подняли с коек двадцать второго июня в пятом часу утра взрывы и выбитые стекла.

Никто не понимал, что происходит. Велено было спать до восьми, поскольку в воскресенье подъем на час позже, а какой тут сон, если от разрывов бомб повывлетали все стекла в казарме!

Через несколько дней, когда городок Коломы был почти окружен, о школе вспомнили: поступил приказ об ее эвакуации.

Колонной шли на северо-восток, в сторону Киева. Шли день за днем, а линии фронта впереди так и не было.

Городенка, Гусятин, Дунаевцы, Ялтушков...

Где свои? Где чужие? Не понять!

То там, то здесь завязывалась перестрелка. Всюду валялись убитые: гражданские, военные. До них никому не было дела.

Что следует делать, никто не знал. Просто шли на восток в надежде все же выйти к своим, делая по сорок-сорок пять километров в день, перегоняя нескончаемые колонны людей с ручными тележками и тачками, доверху нагруженными домашним скарбом. Старухи, дети, женщины, раненые солдаты в окровавленных повязках... Все шли в надежде выйти к своим, и надежда эта таяла с каждым днем.

Прошел слух, что немцы уже неделю как взяли город Ровно. В кюветах и на обочинах – воронки от бомб, вспухшие трупы убитых лошадей, разбитые грузовики, каски, окровавленные бинты, противогазы и прочий хлам. И никого навстречу. Ни эскадрона... Ни танкового взвода... Где же непобедимая и легендарная Красная армия?

Жмеринка, Сквир...

Короткие остановки на сон были похожи на обмороки. Бывшие курсанты просто падали и засыпали. А потом снова:

– Подтяни-и-ись! Шире шаг! Не отставать!

Белая Церковь, Васильков, Киев, Бровары...

Без малого шесть сотен километров пешим ходом!

А немцы уже перли на Киев. Часть бывших курсантов школы была слита с охранным батальоном НКВД. В одну из рот батальона попал и младший сержант Егор Ивашов. В конце июля сорок первого, удерживая шоссе Белая Церковь – Киев, два батальона 165-й стрелковой дивизии и батальон НКВД вступили в бой с тремя пехотными дивизиями немцев. Через несколько часов кровавой мясорубки от роты Ивашова осталось восемь человек. Командование подразделением принял на себя оперуполномоченный особого отдела батальона лейтенант Тимофей Романцев. Двое суток подразделение лейтенанта контрразведки Романцева удерживало немцев на своем участке, пока им на помощь не подоспела 5-я воздушно-десантная бригада полковника Родимцева. За мужество и героизм лейтенант Романцев был награжден орде-

ном Красного Знамени, а трое оставшихся в живых из его роты – медалями «За отвагу». В числе этих награжденных был и младший сержант Ивашов.

Потом последовало назначение командиром отделения в 18-й пограничный полк НКВД при Третьей армии. Всякое было: и армейские тылы охраняли, и на передовой сражались, и дезертиров ловили, а случалось – диверсантов и шпионов. Здорово помогала пограничная выучка.

Весной сорок третьего года уже сержанта Егора Ивашова вызвали в штаб фронта. Майор, который с ним разговаривал, знал о нем все: начиная от времени и места рождения и заканчивая чертами характера, школьными увлечениями и лучшими друзьями, также и о его службе чуть ли не с первого дня призыва. Ивашов тогда еще удивился, на что штабной майор снисходительно ответил:

– Не удивляйтесь. У нас работа такая. Ну, да скоро вы сами в этом удостоверитесь.

На прощание майор сказал:

– Сержант Ивашов, вы откомандировываетесь на специальные курсы подготовки оперативного состава. Вопрос с вашим командованием уже согласован. После окончания курсов вы получите офицерское звание и будете направлены в действующую армию. Желаю успеха...

Поначалу предполагалось учиться один месяц. Но во второй половине апреля сорок третьего года Постановлением Совета Народных Комиссаров особые отделы в действующей армии были упразднены, а вместо них в системе Народного Комиссариата Оборона образовано Главное управление военной контрразведки с подчинением лично товарищу Сталину. Наименование это управление получило очень броское – «Смерть шпионам». Соответственно, органами Главного управления стали управления военной контрразведки фронтов и отделы контрразведки армий, дивизий и полков. А задачами их являлись разоблачение и поимка агентов врага, недопущение диверсионной и подрывной деятельности агентов в районе боевых действий, прифронтовой полосе и на освобожденных территориях, а также проверка благонадежности военнослужащих, прибывающих с пополнением, вышедших из окружения, бежавших из плена и оказавшихся на оккупированной врагом территории.

Оперативные курсы стали называться школой контрразведки «СМЕРШ», а срок обучения был продлен до трех месяцев.

В июне, окончив школу, Егор Ивашов получил звание младшего лейтенанта и был направлен оперуполномоченным контрразведки в 167-ю стрелковую дивизию на Воронежский фронт. Майор-штабист оказался во всем прав...

В половине восьмого утра Егор был уже на ногах. Умылся, оделся, хлебнул горячего чая из пузатого самовара (надо полагать, гордость гостеприимной хозяйки), проверил револьвер и вышел на крыльцо. Следом, тенью, выбежал ординарец Зозуля, поправляя гимнастерку и ремень.

У дома возле плетня мирно покуривали шестеро бойцов, старшим из которых был усатый сержант лет сорока с гаком. Увидев вышедшего младшего лейтенанта, он что-то тихо сказал своим, те побросали цигарки, поправили винтовки за плечами и выстроились в шеренгу.

– Товарищ младший лейтенант, – приставил сержант здоровенную крестьянскую ладонь к пилотке, – отделение охраны комендантского взвода прибыло в ваше распоряжение. Командир отделения сержант Шушайло.

Ивашов поздоровался с ним за руку. Ладонь младшего лейтенанта буквально утонула в ладони сержанта.

«Экий увалень здоровенный, – подумалось Егору. – Такой и с медведем, пожалуй, справится».

Подожли разведчики, десять человек, во-оруженные автоматами «ППШ». Старшим у них был двадцатипятилетний старшина Колонов, заместитель командира взвода пешей разведки полка. Вместе с ними пришел сержант Масленников, придерживая ремень «ППШ».

– Что, диверсантов пойдем ловить, товарищ младший лейтенант? – весело спросил старшина Колонов. – Говорят, за Дымовым Яром лазутчики вражеские объявились?

– А кто говорит, товарищ старшина? – быстро спросил Ивашов.

– Ну-у, говорят... – обескураженно замялся Колонов.

– Строиться! – не дожидаясь ответа старшины, приказал младший лейтенант и, когда солдаты построились, начал: – Дело такое. Вчера вечером в районе восьми часов вечера в двух с половиной километрах от села Кияница по направлению к селу Вакаловщина я был обстрелян из немецкого автомата «МР-40». Стрелявший предположительно был один, возможно, он ранен. Наша задача – найти его и по возможности взять живым.

– А может, он с той стороны приходил? И давно ушел? – спросил один из разведчиков по фамилии Малюк.

– Маловероятно, товарищ сержант, – ответил Ивашов. – Вряд ли он пришел с той стороны с заданием убить меня. Не та я фигура, чтобы из-за меня стоило переходить линию фронта, сидеть неизвестно сколько в «секрете», выжидая, и, убив меня, уйти обратно.

– Это верно, – снова подал голос старшина Колонов, причем его согласие относилось не столько к тому, что стрелявший пришел с той стороны и ушел обратно, сколько к тому, что младший лейтенант контрразведки «СМЕРШ» «не та фигура».

Егор метнул на него острый взгляд и продолжил:

– Я полагаю, что это диверсант, оставленный при отступлении немцами с разведывательно-диверсионными целями. А в задачах, которые ставятся перед диверсантами, есть и такая, как уничтожение командного состава Красной армии... – Он немного помолчал и добавил: – Вопросы имеются?

– Нет вопросов, – ответил за всех сержант Масленников.

– Тогда выдвигаемся...

До Битицы дошли походной колонной. А как только покинули расположение батальона 465-го стрелкового полка, старшина Колонов выслал вперед двух разведчиков – несмотря на острый язык, он дело свое знал.

Дымов Яр и сожженную Вакаловщину про-шли с оружием на изготовку. Наконец дошли до придорожных кустов, из которых была произведена очередь в Ивашова.

– Вот они, эти кусты, – негромко произнес Егор. – Теперь рассредоточимся. Пойдем цепью, направление – северо-запад. Отделение разведки – справа от меня на расстоянии видимости друг друга. Отделение охраны сержанта Шушайло – слева от меня. Сержант Масленников, рядовой Зозуля – со мной.

Первым делом Ивашов тщательно осмотрел кусты, откуда прозвучали выстрелы, и на листьях со стороны леса обнаружил пятна крови. Нагнулся, приметил помятую траву. А вот и четыре гильзы от девятимиллиметровых пуль. Снова примятая трава. Выстрелив, стрелок пошел в сторону леса, зажимая рану. Ага, еще несколько капелек крови. И небольшие следы. Видимо, ступал на носках, чтобы не шуметь и скрыть размер обуви.

Метров через тридцать местность плавно пошла в горку. Еще метров через десять начался сплошной сосняк, с хилой травой, в частых залысинах и твердой, как камень, почвой. А камень, как известно, след не держит. Нет, ни черта они здесь не найдут. След утерян, и в какую сторону пошел стрелок, остается только гадать.

Метров через триста в глубь леса ландшафт немного изменился. Стали встречаться густые заросли кустов с травой едва ли не по колено. Если и оборудовать укрытие типа землянки, так это именно в таких местах, поскольку имеется больше возможностей для маскировки. А в голом сосняке как замаскируешь землянку? Разве погуще иголками присыпать...

– Сейчас смотрим внимательно, – обратился к сержанту Масленникову и одному из разведчиков, что был поблизости, Егор.

Когда он служил командиром отделения взвода полка НКВД и очищал армейские тылы третьей и тринадцатой армий от дезертиров, предателей и шпионов, ему приходилось видеть схроны и землянки, оборудованные немцами для своих разведчиков и диверсантов. Одна землянка под Ельцом особенно его поразила: две комнаты с нарами в два яруса, где свободно могли разместиться человек десять-двенадцать, деревянное перекрытие и настил, а поверх них толстый слой грунта вровень с землей, на котором росли трава и даже какой-то кустик. Обнаружить такую землянку было практически невозможно. Можно было стоять прямо на ней и ничего не замечать... Тогда, под Ельцом, землянку эту унюхал пес по кличке Шалый...

Никаких следов. Ни единой сломанной веточки. Вообще ничего.

Прошли еще метров двести – лес как лес. И никакого намека на присутствие человека.

– Может, он давно уже ушел на ту сторону? – посмотрел сержант Масленников на младшего лейтенанта. – Выполнил задание, что дали ему немцы, отправился переходить линию фронта, увидел вас одного, решил положить напоследок, коли добыча сама в руки идет, а когда убить не вышло – пошел дальше к линии фронта.

– Может, – неопределенно ответил Егор. – Хотя, похоже, возле тех кустов, на которых осталась его кровь, он находился какое-то определенное время. Значит, поджидал. Не конкретно меня, конечно, просто добычу. А когда я его ранил, он залег в свою нору, которую мы так и не нашли... Ладно, сержант, возвращаемся.

Команду младшего лейтенанта передали по цепочке.

Обратно шли тоже цепью, так же внимательно осматривая местность. И это ничего не дало.

– Что дальше, товарищ младший лейтенант? – спросил Масленников, когда они вернулись в расположение полка.

– Пообедаем и в штаб, – сказал Ивашов. – Буду принимать дела покойного Хромченко...

Глава 5

Анахорет

Они прошли от входа в землянку шагах в семи-восьми. Сыч слышал обрывки фраз, а потом кто-то из них вполне отчетливо произнес:

– Сейчас смотрим внимательно.

Очевидно, это сказал старший разыскной команды.

Сыч затаил дыхание, будто его могли слышать там, наверху. Вот сейчас они найдут вход в землянку, откроют его, заглянут и начнут осторожно спускаться. Сыч полоснет по ним очередью и, выиграв какое-то время, метнется к лазу подземного хода. В шестидесяти метрах от землянки он выползет из хода в густую заросль кустов. А потом пойдет к линии фронта. Вернее, в сторону деревни Писаревка, где базировалась теперь абвергруппа капитана Мишелевского. Пятнадцать километров он покроеет часа за три. А если надо, то и за два...

Повезло. Кажется, уходят. Не зря лейтенант «Альгорн», вечный заместитель руководителя абвергруппы, на ломаном русском утверждал, что «землянку не увидит и з цвай шага».

Вроде уже ушли... Сыч на цыпочках отошел от замаскированного окна и еще час сидел, прислушиваясь. Было тихо.

Он выдохнул и снял автомат с плеча...

Через четыре дня, как и было обещано, за ним пришли. Это был тот самый малоприметный человек по имени Александр Феофилактович.

– Попрошу следовать за мной, – как тогда, на бирже труда, произнес он. Только теперь уже не добавил: «Если вы, конечно, не против»...

Подготовительное отделение диверсионной школы находилось в большом частном доме по улице Надежды Крупской.

Когда они вошли в дом, там было уже человек двадцать мужчин, и в их числе электромонтер Николай Макаров, который слегка кивнул Виктору, как знакомому, а также бывший работник городской прокуратуры Анисим Немчин, не сильно поменявший с приходом немцев своей специальности: он стал служить в городской полиции следователем административного отдела. Виктор видел его, когда до войны Немчин однажды приходил в их дом по поводу жалобы бабки на начальника домовой конторы касательно нарушений санитарных норм по содержанию дома. Бабка Виктора старушкой была дотошной, въедливой, беспорядка и несправедливости не терпела в любых проявлениях, и чуть что – писала жалобы в различные инстанции, включая Президиум Верховного Совета УССР. Писала она и самому Михаилу Сергеевичу Гречухе²

² Гречуха М.С. – Председатель Президиума ВС УССР.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.